

БЕРНШТЕЙН С. Б.

ВКЛАД А. М. СЕЛИЩЕВА В ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ (К 100-летию со дня рождения)

Научная деятельность А. М. Селищева была многогранной. Однако в самом центре стояла, бесспорно, история языка. В отличие от многих своих современников Селищев стремился исследовать ее главным образом на диалектном материале, путем сопоставления данных различных диалектов и говоров. Он, конечно, отлично понимал значение памятников письменности, данных топонимики, антропонимики, этимологии, но на первом месте у него всегда стояла диалектная речь. Селищев постоянно говорил, что идти нужно от живой речи к древнему памятнику. Только этот путь может гарантировать успех. «Основной задачей славянского языкознания он считал изучение современных славянских языков во всем многообразии даже самых мелких диалектных отличий, во всей сложности их междиалектных и межязыковых отношений (как родственных, так и неродственных)», — справедливо писал Р. И. Аванесов [1, с. 127]. Неточно в этом вопросе позицию Селищева толкует П. Я. Черных. Он пишет: «По вопросу о задачах диалектологии и содержания диалектологических изучений я примыкаю к тем языковедам, которые, как, например, мой учитель А. М. Селищев, на диалектологию смотрели прежде всего как на лингвистическую дисциплину, в с п о м о г а т е л ь н у ю по отношению к истории языка» [2]. Позицию Селищева в этом вопросе следует интерпретировать иначе. Он никогда не причислял диалектологию к вспомогательным историческим дисциплинам. Историческая интерпретация диалектных данных с привлечением памятников письменности, топонимики, лексических заимствований — вот магистральный путь историка языка. Об этом говорят все его диалектологические исследования сибирских, южновеликорусских и македонских говоров. Во всех диалектологических трудах Селищева перед нами стоит не описатель диалектов и говоров, а историк языка.

В отличие от большинства своих современников-диалектологов Селищев всегда, начиная со своих первых диалектологических наблюдений, уделял большое внимание не только географическому аспекту, но и социальной природе диалектной речи. В этом отношении он был убежденным сторонником социальной диалектологии и одним из первых ее представителей в области славянской диалектологии.

Селищев был превосходным полевым диалектологом. Он отлично слышал устную речь, точно и быстро записывал, умело направлял беседу в нужное русло. Он был противником только монолога информатора, не заставляя его вспоминать свое прошлое, рассказывать о том, что не имеет прямого отношения к современной его жизни. Информатора необходимо поставить в обычную языковую ситуацию сегодняшнего дня, беседа должна касаться актуальных для жителей села тем. Вот некоторые из напутствий Селищева своим молодым ученикам. Постановка прямых вопросов — свидетельство беспомощности диалектолога. Информатор не должен знать, какой языковой факт интересует собирателя. В каждом пункте целесообразно привлекать к работе несколько информаторов разного возраста, полезны беседы с детьми дошкольного возраста. Иронически говорил Селищев о тех диалектологах, которые ограничиваются привлечением в качестве информаторов только дряхлых (Селищев добавлял обычно — «беззубых и глухих») старух. Немало интересного можно извлечь из бесед даже с учителем, если, конечно, он местный. Диалектолог обязан знать быт крестьянина, иметь хотя бы самые элементарные сведения по сельскому хозяйству.

При сборе диалектного материала, учил Селищев, нужно обеспечить будущему исследователю возможность изучить результаты фонетической эволюции. Необходимо последовательно различать свободную позицию в фонетической эволюции от конкретной истории данного слова, от морфологических, словообразовательных и стилистических условий. Это даст возможность в случаях сложного переплетения разнородных фактов отделить те, которые отражают подлинные фонетические закономерности, от фактов иного характера. Этот принцип не только декларировался ученым, но и последовательно проводился в его диалектологических исследованиях. Изучая судьбу *ъ* и *ь* в македонском говоре Полога, Селищев хорошо показал, что наблюдения необходимо проводить раздельно в корне слова и в суффиксе. И в корнях следует учитывать возможные варианты, обусловленные историей конкретного слова. В одних случаях гласный на месте «сильного» *ъ* отражает результаты фонетической эволюции, в других — влияние соседних говоров, затем влияние книжного (церковного) происхождения, воздействия иных уровней грамматической системы, лексических условий. Тщательно анализируя все противоречивые факты, Селищев приходит к выводу, что сильные *ъ* и *ь* в положительном говоре пережили общую судьбу со всеми македонскими горами: *ъ* > *o*, *ь* > *e*. «В течение времени, под воздействием северо-западных говоров, при сношениях с населением из-за Шар-планины, стали входить в речь долне-положан некоторые слова с *ъ* в корне — *сън*» [3]. Более устойчивыми результатами фонетического процесса были в суффиксах. Здесь гласный *o* сохраняется последовательно.

Селищев предъявлял строгие требования к диалектологу. Мало было зафиксировать тот или иной тип произношения в слове. Необходимо было произвести тщательный анализ данного примера на широком фоне фонетических, морфологических, словообразовательных и лексических явлений. «При надлежащем анализе лингвистических данных следует учитывать общественно-бытовую значимость этих данных. Тогда для нас могут быть ясны элементы изучаемого говора в их динамике» [4]. Этому требованию сам Селищев следовал неукоснительно, начиная с первых своих диалектологических описаний. Это отчасти Селищев-диалектолога от диалектологов фортунаатовской школы, от младограмматиков. «Уделяя преимущественное внимание изучению звуковой стороны языка, Селищев в то же время весьма далек от младограмматиков с их „слепыми“ фонетическими законами, не считающимися со структурой языка: фонетические процессы он изучает с предельной морфологической дифференциацией, с учетом степени знаменательности слова (частичные слова, местоимения, полные слова), синтаксической функции, эмоционально-экспрессивной стороны, принадлежности слов к разным лексическим пластам и т. д. При таком подходе оказывается весьма много разного рода „исключений“. Но именно они для Селищева являются важнейшим источником истории изучаемого говора. Каждое из таких исключений находит свое особое объяснение, вытекающее из пристального изучения большого количества фактов, черпаемых из разных источников и таким образом взаимно проверяемых» [1, с. 131].

В 1930 г. Селищев составил специальную программу, по которой работали его ученики. В статье «Революция и язык» Селищев обратил внимание сельских учителей на необходимость сбора диалектного материала: «Огромную услугу окажут науке русской диалектологии и вместе с тем социологии школьные деятели и таким наблюдением: как изменяется речь среднего и молодого поколения в деревне в своем звуковом составе и в своих формах. Для этого сравнивайте речь ребят и молодежи с речью стариков и в особенности старух, представляющих черты старого типа местной речи... Это расхождение отчасти о п р е д е л и т п у т и дальнейшей судьбы местной речи» [5, с. 146].

Начнем обзор работ Селищева по русской диалектологии с его исследования сибирских диалектов.

В 1897 г. А. И. Соболевский в своем сводном труде «Опыт русской диалектологии» (СПб., вып. I) писал: С и б и р ь в диалектическом отноше-

нии нам очень мало известна. Главная часть ее русского населения состоит из переселенцев с нашего цокающего севера, прибывших в Сибирь в XVII в. Понятно, их говоры имеют очень много общего с говорами Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской губ. и разница между ними состоит по преимуществу в словарном материале» [с. 64]. Данное утверждение Соболевский не мог подкрепить соответствующими фактами, тем более, что русские говоры указанных губерний различались между собой не только лексикой. Не было в распоряжении ученого и данных из сибирской диалектологии. Опираясь на сообщения краеведов и путешественников, Соболевский между прочим отметил, что русские в Сибиря нередко знакомы с туземными языками, которые оказывают на их родную речь известное влияние.

В 1915 г. вышел из печати «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (М.), составленной Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. Составители вынуждены были ограничиться территорией Европы, так как скудость сведений о сибирских говорах, их территориальном размещении не давали возможности пропозвести картографирование. Авторы даже отказались от определения восточной границы русского языка. «Определение восточной] границы [русского] языка не входит в нашу задачу, так как эта граница уже в Азии» [с. 8].

Приступив к изучению русских говоров Сибири в 1918 г., Селищев имел полное основание писать, что мы почти ничего не знаем о них. «По-прежнему, если речь заходит о русском языке сибирского населения, то описыватели ограничивались общими указаниями на „отклонения“ и „неправильности“ этого языка» [6, с. 2].

Приехав в Иркутск вместе с группой молодых ученых Казанского университета в 1918 г., Селищев поставил перед собою задачу изучения сибирских говоров. Он начал с описания языка забайкальских старообрядцев (так называемых семейских). Их языку посвящена книга «Забайкальские старообрядцы. Семейские» [7]. В книге четыре главы. В первой дана характеристика быта и условий жизни «семейских» в прошлом и в период гражданской войны. Сообщается о зверствах, которые чинили здесь банды атамана Семенова. Обширная вторая глава содержит подробные сведения о книжной культуре «семейских». «В каждой старообрядческой общине имеется несколько человек, обученных церковно-славянскому чтению и письму. В результате многолетнего обучения молодой старообрядец осилит церковно-славянскую грамоту, преподанную ему начетчиком при помощи старинного русского способа» [7, с. 19]. Начетчик следит за тем, чтобы чтец держался старинных правил, особенно в ударении. Однако многие живые особенности семейского говора прорываются в книжное произношение. Это относится к акаанью и яканью, характерным для языка «семейских», произношению мягкого *с'* как *ш'*, мягкого *з'* как *ж'*. Селищев познакомился с книжным собранием старообрядческих рукописей, хранящихся в библиотеке Иркутской духовной семинарии, а затем и с собранием в селегинском Троицком монастыре. Вторая глава в основном посвящена характеристике рукописей из указанных собраний. Особое внимание автор уделит духовным стихам. Третья глава труда целиком посвящена описанию фонетических и грамматических особенностей говора «семейских», который в своей основе принадлежит к южновеликорусским акающим говорам. Здесь мы находим несколько беглых замечаний о лексике говора. Из фонетических особенностей интерес представляют дорсальные *с'* и *з'*, которые акустически напоминают польские палатальные *ś* и *ź* [7, с. 53]. Селищев отмечает, что сильная степень шепелявости характерна прежде всего для молодежи. «В каждом селе по произношению шепелявых *с'*, *з'* есть различие между молодым поколением и старыми. Молодежь будто с каким-то особенным смаком употребляет шепелявые *с'*, *з'*. Я не встретил ни одного парня и молодого мужика, ни одной девушки и молодухи, которые не шепелявили бы. Иное представляет говор стариков и старух... Имея в виду данные говоров Сибири, полагаем, что шепелявость в произношении *с'*, *з'* семейские развили только здесь, в Забайкалье, а не принесли с собой из Европы, — развили постепенно, в среде поколений

3-х ... К настоящему времени во всех областях востока и севера Сибири в говорах „старожилото“ населения распространены шепелявые с', з'» [7, 53]. Последняя — четвертая глава — содержит краткие сведения о переселении «семейских» в Сибирь, о их связях с населением различных районов России, о фактах, которые в свое время сообщали П. С. Паллас, декабрист барон А. Е. Розен и др. Книга завершается снимками «семейских» разного возраста и пола и несколькими снимками рукописей.

Трудно ответить на вопрос, почему Селищев начал свои исследования говоров Сибири с изучения говора «семейских». Фактически его собственные наблюдения над говорами Сибири и ограничились только этим южно-великорусским по происхождению говором, не типичным для основной массы старожильского русского населения. «Вообще поездка к забайкальским старообрядцам в начале 1919 г. оказалась единственной диалектологической экспедицией, лично предпринятой А. М. Селищевым в течение этого короткого периода его пребывания в Сибири. По возвращении из Забайкалья он всецело погрузился в работу над „Диалектологическим очерком Сибири“...» [8, с. 61]. Возможно, в решении начать изучение сибирских говоров с говора «семейских» сыграло решающую роль пристрастие Селищева к родным южновеликорусским говорам с их сложным безударным вокализмом. Вопросами яканья ученый интересовался с молодых лет.

В «Диалектологическом очерке Сибири» Селищев четко сформулировал задачи и цели своего исследования. 1. Заселение Сибири началось в XVI—XVII вв. «Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в 16-м и в 17-м столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами в Сибири в течение последних 300—200 лет» [6, с. 5]. 2. Сооставление сибирских говоров с говорами европейской части России поможет решить важную демографическую задачу, «определит путь сибирской колонизации» [6, с. 5]. 3. Переселенцы происходили из различных районов России. Здесь, в Сибири, они оказывали взаимное влияние друг на друга. «Влияние шло преимущественно со стороны носителей северно-великорусских говоров. От средневеликоруссов или от языка, „общерусского“ усвоено в некоторых местностях аканье и иканье» [6, с. 6]. 4. Наконец, одна из важнейших задач — изучение взаимовлияний и взаимодействий русских говоров Сибири с местными языками туземного населения Сибири. Этой задаче Селищев уделил особое внимание. ■

Несмотря на слабое развитие сибирской диалектологии, на отсутствие надежных и квалифицированных описаний, Селищев, находясь в Иркутске, смог все же за короткий срок дать сравнительно полную характеристику сибирских говоров. Это он мог осуществить только благодаря ценным собраниям разнородных материалов, хранящихся главным образом в архиве Средне-Сибирского отделения Института исследований Сибири. Речь идет о сибирских ответах на программу Русского географического общества по этнографии, о редких изданиях, содержащих сведения об особенностях русского языка в Сибири, о различных устных сообщениях и пр. «В конце концов в его распоряжении оказалось достаточно фактического материала, чтобы на этой базе построить содержательное описание диалектной русской речи в [Сибири]» [8, с. 62].

Селищеву-диалектологу постоянно приходилось иметь дело с несовершенными диалектными записями. Так было и при изучении македонских говоров, и при изучении сибирских. Однако он умел, путем сопоставления разнородных текстов, заставить хорошо «говорить» даже плохую запись. К сожалению, Селищев в опубликованном исследовании не характеризует использованных им материалов, описаний, не дает библиографических сведений. «Отсюда впечатление некоторой необоснованности, „голословности“ диалектологических утверждений автора — впечатление, совершенно не соответствующее действительности. На самом деле каждая диалектная особенность, упомянутая в „Диалектологическом очерке“, может

быть точнейшим образом документирована, библиографически оправдана, за исключением, разумеется, тех, которые были почерпнуты из рукописного материала, а также из устных сообщений... и из собственных наблюдений. Этих последних в „Диалектологическом очерке Сибири“ можно отметить немало. Преимущественно это — фонетические наблюдения, отличающиеся иногда большой тонкостью» [8, с. 62].

Некоторые утверждения А. М. Селищева вызвали в литературе критические замечания и споры. Остановлюсь на двух вопросах.

Опираясь на богатый и разнородный материал, Селищев высказал свои соображения о соотношении окающих и акающих говоров Сибири. «Говоры „старожилых“ русского населения Сибири относятся к типу „окающих“ великорусских говоров» [6, с. 8]. Однако имеются в Сибири и акающие говоры. По своему происхождению они неоднородны. «Одни из них — говоры позднейших переселенцев из областей южновеликорусских и средневеликорусских. Возможно, что среди носителей говоров, представляющих черты средневеликорусских говоров, есть потомки средневеликорусских, давних поселенцев Сибири. Затем, акающие говоры принадлежат старообрядцам — южновеликорусам — семейским, в Забайкалье и „полям“ на Алтае. Наконец, в некоторых местностях северно-великорусские говоры развили аканье только здесь, в Сибири, под влиянием соседних акающих говоров» [6, с. 9—10]. Решительно против данного положения Селищева выступила А. В. Пруссак в рецензии на «Диалектологический очерк Сибири». Значительная часть рецензии посвящена соотношению оканья и аканья в говорах Сибири. Основной тезис Пруссак сформулирован следующим образом. «На основании изученного материала я утверждаю, что *говор старожильческих селений Сибири в массе своей относится к окающе-акающим смешанным говорам, так как оканье и аканье параллельно существовали в говоре селений 17 в., — исключительного оканья в Сибири никогда не было*» [9]. Это утверждение Пруссак противоречит всем известным фактам и говорит о слабой профессиональной лингвистической подготовке рецензента. Конечно, в говорах Сибири мы встречаемся как с оканьем, так и с аканьем. В книге Селищева на это указано. В ответе на рецензию Селищев пишет: «Я не говорил, что *все* ранние русские поселения в Сибири принадлежали к окающей группе; я допускал, что среди этих поселенцев были выходцы и из средне-великорусских акающих областей» [10, с. 421]. Утверждения Пруссак о принадлежности русских говоров Сибири к окающей-акающей группе русских диалектов противоречит основам русской диалектологии. Рецензент не отдает себе ясного отчета в фонетической и фонологической природе данных фонетических явлений. Приводимый ею материал из старых текстов о наличии аканья в говорах Сибири сплошь и рядом не говорит о наличии аканья (например, в печатном издании 1708 г. написано *Табольск* вм. *Тобольск*). «Сообщения в статье А. В. Пруссак выписки из памятников письменности в диалектологический оборот не могут быть пущены» — с полным основанием утверждает Селищев [10, с. 423]. «А. М. Селищев в своем ответе дал А. В. Пруссак и вместе с ней всем эпигонам школы Соболевского урок элементарной критической работы над памятниками», — справедливо пишет В. В. Виноградов [11].

Второй вопрос относится к весьма характерному для сибирского консонантизма явлению. Речь идет о так называемой «щепелявости», произношении мягких *с'* и *з'* как польских палатально-дорсальных *ś* и *ź* или совсем мягких *ш'* и *ж'*. Это фонетическое явление получило широкое распространение на огромной территории Сибири и Дальнего Востока. Сопоставляя в этом плане сибирские русские говоры с коренными языками Сибири, в частности, с финно-угорскими языками (ханты и манси, с самодийскими (ненецким и селькупским), с палеоазиатскими (юкагирским, ительменским), с тюркскими (якутским), с тунгусо-маньчжурскими, Селищев сделал вывод, что в большинстве случаев указанное явление развилось здесь, в Сибири, в условиях русско-туземного двуязычия. Это утверждение Селищева не встретило полной и единодушной поддержки. Наиболее обстоятельно данный вопрос был рассмотрен Д. К. Зелениным в исследовании

дованни «О происхождении северо-великорусов Великого Новгорода». Не отрицая полной возможности влияния языков Сибири («соседство с коренными сибирскими племенами повело к различному развитию этих устойчивых северновеликорусских говоров» [12, с. 53], Зеленин, однако, утверждает, что «шепелявость» сибирских говоров в своей основе является признаком древнего новгородского диалекта, возникшим здесь в результате длительного влияния лехитских западнославянских диалектов задолго до переселения новгородцев в Сибирь. По мнению Зеленина, «шепелявость» в сибирские горы была занесена потомками новгородцев, т. е. ильменскими словенами. Естественно, что позиция Селищева в этом вопросе не находит одобрения у Зеленина. А. М. Селищев склонен выводить смешение пипящих и свистящих звуков в сибирско-русских говорах из коренных местных языков, причем он совсем не ставит вопроса, почему чрезвычайная пестрота в этом отношении коренных языков Сибири дала в сибирско-русских говорах однообразную картину» [12, с. 71]. Это не соответствует действительности. И в сибирских русских говорах картина очень сложна и отнюдь не однообразна. Селищев устанавливает три основных типа преобразований. 1) Вместо пипящих *ш* и *ж* находим дорсально-палатальные *š* и *ž* (*š*, *ž*). 2) В речи имеются только обычные свистящие *с* и *з*. 3) Смешанное употребление пипящих и свистящих согласных. Этот тип наиболее распространен по всей Сибири от Оби до Охотского моря и до Камчатки. Сопоставления Селищева русского материала с исконными языками Сибири носят конкретный и точный характер. На мой взгляд, самым убедительным аргументом в системе доказательств Селищева является следующий: «соканье» и «шоканье» в русских говорах Сибири является фактом относительно новым, в своей массе оно возникло и развилось здесь, в Сибири, под воздействием окружающих языков. Это подтверждается тем, что во многих говорах «шепелявят» представители только молодого поколения. Зеленин не обратил внимания на это весьма важное наблюдение Селищева. А при изучении генезиса данного явления его необходимо учитывать в полной мере.

К вопросу о «шоканье» и «соканье» в сибирских говорах Селищев вернулся еще раз в статье «Соканье и шоканье в славянских языках» (*Slavia*, 1931, X, вып. 4). Здесь это явление автор рассматривает на широком фоне всего славянского языкового мира. И всюду своим источником оно имеет чуждую фонетическую систему. «Мы обозрели результаты изменения пипящих и свистящих согласных в разных славянских областях. И о в с ю д у это изменение вызвано было воздействием иной звуковой системы» [5, с. 602].

В Казань из Иркутска Селищев вернулся в 1920 г. с желанием продолжать изучение сибирских говоров. «Диалектологический очерк Сибири» содержит три главы. Однако в оглавлении указана IV глава — «Русские диалектические группы в Сибири». Ее в книге нет. Было лишь написано: «IV-я глава составит содержание II-го выпуска» [6, с. 271]. Для написания этой главы нужна была длительная командировка. «Летом 1921 г. я предполагал отправиться на низовье Оби, в Обдорский край, и на низовье Енисея, в Туруханский край. Русский язык тамошних русских и русской „смешницы“, а также русское говорение вогул, остяков, самоедов и тунгусов хотелось мне изучить там» [13, с. 39]. Однако по условиям времени план Селищева не был осуществлен. Поэтому и не написана четвертая глава «Диалектологического очерка Сибири».

В 1921 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (т. XXXI, вып. 4) опубликована статья Селищева «К изучению русских говоров Сибири». Вопросы сибирской диалектологии Селищев касается в статье «Записка о значении изучения сибирских старожильческих говоров в связи с туземными языками Сибири, направленная в Отделение русского языка и словесности» («Известия русской Академии наук, 1921, т. XV), а также в различных своих исследованиях более позднего периода.

Весь переполненный сибирскими впечатлениями, ученый и здесь, в Поволжье, решил продолжать свои изучения языковых контактов русско-

го населения с другими народностями России. Его интересовали в равной степени как результаты влияния туземной речи на язык русского населения, так и влияние русского языка на диалекты чувашского, марийского, татарского и других языков Поволжья. Осенью 1921 г. ученый предпринял диалектологическую поездку, во время которой посетил ряд пунктов в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах с целью ознакомления с состоянием русского языка среди чуваш и их близких соседей горных марийцев. Поездка дала материал для написания двух статей «Русский язык у инородцев Поволжья» (*Slavia*, 1925, IV, вып. 1) и «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» (Уч. зап. лингвистич. секции Ин-та языка и литературы, 1927, 1). Обе статьи очень важны для изучения вопросов двуязычия. Кроме того, они содержат ценный материал для разработки проблемы методики преподавания русского языка местному нерусскому населению.

После переезда в Москву в 1922 г. на первое место выдвигаются исследования по македонской диалектологии. Однако совсем отойти от вопросов восточнославянской диалектологии Селищев не мог, тем более что он принимал самое активное участие в работе Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (быв. Московской диалектологической комиссии). Важной вехой был его доклад «К изучению типов аканья», прочитанный на заседании Комиссии и опубликованный в журнале *Slavia*, 1927, VI, вып. 2—3. (Заметки по великорусской диалектологии. 1. К изучению типов аканья).

Вопросами южновеликорусского безударного вокализма Селищев интересовался начиная с молодых лет. В детском возрасте он сам был носителем одного из видов диссимилятивного яканья. Преодолевая этот диалектизм с помощью учителя, он должен был ясно представить себе природу этого яканья, его отличие от литературной нормы. Сама жизнь заставила Селищева хорошо понять и уяснить сущность диссимилятивного яканья. Столкнулся он с диссимилятивным яканьем и в Сибири. Еще до переезда в Москву Селищев основательно изучил труд Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров» (М., 1917), посвященный в основном южновеликорусскому безударному вокализму (гласному в первом предударном слоге). В Москве Селищев приступил к обработке своих записей и замечаний и 15 ноября 1923 г. выступил со всесторонним разбором этого труда. Это был его первый доклад на заседании Комиссии. По свидетельству И. Г. Голанова, доклад произвел большое впечатление на московских лингвистов.

Главным оппонентом Селищева в Комиссии был Н. Н. Дурново. Споры с Дурново шли по многим общетеоретическим, методическим и частным вопросам. Прежде всего Селищев обратил внимание на необходимость сравнительного изучения редукции безударных гласных в славянских языках. «Для уяснения судьбы неударенных гласных в русском языке важно было бы изучить сходный по своему происхождению процесс, пережитый неударенными гласными в других славянских группах. В этом отношении наиболее поучительны были бы параллели восточноболгарского неударенного вокализма. Процессы восточноболгарские проще сравнительно с изменениями неударенных гласных в южновеликорусских говорах. Поэтому сущность исследуемого процесса, не затемненного другими изменениями, была бы показательна и для русиста, усиленно стремящегося к реконструкции в судьбе неударенных гласных в русском языке» [5, с. 403]. Селищев не только декларирует необходимость сравнения, но отлично это показывает на конкретных примерах. Селищев часто упрекал русистов, что в своих исследованиях они ограничиваются только русским языком, не владеют материалом других славянских языков. Во многих случаях знание диалектного материала других славянских языков может оказаться даже важнее данных близких русских диалектов. Об этом он неоднократно писал и говорил в своих лекциях. Он нередко ставил в пример русистам А. А. Шахматова, который уверенно оперировал фактами зарубежных славянских языков, нередко выступал со специальными исследованиями (например, в области сербохорватской акцентологии).

Селищев подверг основательному и всестороннему анализу весь материал книги Дурново. Он показал, что автор в ряде случаев не разграничивает аканья и яканья, а это приводит к искажению картины: существует немало южновеликорусских говоров, не представляющих при диссимиллятивном яканье диссимиллятивное аканье. Селищев обращает внимание на ограниченность диалектологического материала, на часто необоснованные выводы автора. «Весьма часто п р и н а д л е ж н о с т ь данного говора к тому или иному типу яканья определяется на основании небольшого, сомнительного свойства материала, извлеченного из записей песен. Между тем ведь язык песни невозможно во всех явлениях отождествлять с языком обиходным: песенный язык в различных отношениях отличается от обиходной речи» [5, с. 405—406]. И позже Селищев неоднократно отмечал, что фольклорный материал диалектолог должен привлекать лишь в крайнем случае, подвергая его строгому филологическому анализу. При этом надо различать песни новой и старой формации. Дурново слишком неосмотрительно привлекает язык фольклора, а отсюда и много ошибочных выводов и утверждений, «непрочность», неубедительность группировки. Некоторые типы яканья охарактеризованы неточно (например, щигровский тип). Селищев обращает внимание на отсутствие в исследовании справок историко-бытового характера. Так, Дурново прошел мимо одного чрезвычайно важного явления. Дело в том, что во многих населенных пунктах Орловщины существенно различаются языковые черты «казенных» крестьян и цуканов — в прошлом крепостных крестьян (в частности, в области безударного вокализма). Верно понять картину можно только при учете всей местной языковой ситуации. Государственные крестьяне высмеивают говор цуканов. Среди отличий между говором этих двух социальных групп имеются различия и в области безударного вокализма.

По мнению Селищева, исследователь различных типов аканья и яканья в южновеликорусских говорах должен выяснить, какие отношения в прошлом существовали между ближайшими говорами, имеющими одинаковый тип аканья (яканья). А уяснение этого вопроса было бы весьма важно при установлении генезиса того или иного типа яканья. Дурново прошел мимо этого. В споре ярко столкнулись диалектолог — историк языка и диалектолог-классификатор. Дурново стремился установить так называемые «чистые типы» яканья и аканья, не считаясь с реальной жизнью, со сложным переплетением различных говоров, с социальным аспектом явлений.

После переезда Селищева в Москву полевая работа в области русской диалектологии утратила прежние масштабы. Летние месяцы отдыха Селищев обычно проводил в поволжском селе Салогозово, Городецкого р-на. Конечно, и здесь продолжались его наблюдения над местной диалектной речью. Впоследствии свои записи он широко использовал в статье «О языке современной деревни» [5, с. 428], которая имела специальную задачу. Однако статья представляет немалый интерес и для изучения прошлого русских диалектов, особенно народной лексики. Укажу на наиболее интересные примеры: *брилл* «губы», *вбтра* «колос после молотбы», *гадѹга* «змея»; *гмѹза* «множество, гнездб «семья», *дур'* «гнуой», *живит* «живое существо», *караван* «толпа», *лягва* «лягушка», *мигѹрь* «паук», *мѹл'ка* «самогон», *палестйна* «площадь земли», *пастыр'* «пастух», *хорос'во* «веселье, раздолье», *баской* «красивый, яркий, пестрый»; *басмѹвой* «разговорчивый», *небѹянной* «немой», *бѹшьшитца* «красоваться», *глумѹтца* «играть», *гул'ат'* «сидеть без дела», *похитит'* «сломать», *л'з'а* «можно», *на-двойсах* «в раздумье», *рѹйко* «звучно», *чѹво* «быстро», *бобѹл'* «мельник», *ботѹр'* «маленькая лодка, выдолбленная из ствола осины», *бѹден'* «рабочий день», *гот* «впрок», *ѹжа* «пицца», *ел'а* «ель», *жбра* «корм для скота», *жѹравѹга* «клюква», *заѹблѹши* «рожденный вне брака», *кѹта* «картофельная ботва», *жбка* «крестная мать», *кокѹра* «ватрушка», *колган* «обрубок дерева», *коромѹсел* «стрекоза», *кулѹга* «расчищенная полоса в лесу», *мил'ода* «пустое препровождение времени», *проглѹя* «просека», *пѹрин* «индюк», *радѹга-дѹга* «радуга», *реш* «обрывистый берег», *рѹпкой* «хрупкий», *суцелѹт'* «уцелеть», *тѹплина* «костер», *хлудина* «хворостина», *шаблѹ* «тряпье», *шорѹн* «плохой» [5, с. 451—457].

Еще в первой половине 20-х годов Селищев серьезно заинтересовался изучением неологизмов революционного времени. Наблюдения велись в основном на материале газет, популярной литературы, массовых журналов. В меньшей степени привлекалась ученым разговорная речь. К 1925 г. была составлена обширная картотека, включающая многие сотни ценных примеров. В 1927 г. на их основе была завершена, а в 1928 г. опубликована монография «Язык революционной эпохи» (М.).

Совершенно естественно, что Селищев, исследуя неологизмы революционного времени, свое основное внимание уделил языку города. Однако он не прошел и мимо языка крестьян. Небольшая восьмая глава книги «В деревне» посвящена именно этому вопросу. Собственных наблюдений здесь было мало.

Работа над восьмой главой книги явилась стимулом изучения лексических новообразований революционного времени в речи крестьян. Строго говоря, это изучение нельзя признать диалектологическим, так как здесь речь шла о неологизмах без их строгого территориального приурочения. В 1930 г. Селищев приступил к составлению специальной программы по изучению новообразований в языке крестьян в связи с колхозным движением. Летом 1930 и 1931 гг. его ученики по этой программе проводили специальные наблюдения в различных районах страны. В конце 1931 г. Селищев написал свою первую статью по данной проблематике «О языке современной деревни» (журнал «Земля советская», М.— Л., 1932, кн. 9). Под таким же названием в «Трудах Московского института истории, философии и литературы» в 1939 г. была опубликована обстоятельная работа, в которой хорошо показано сложное взаимодействие традиционной производственной лексики с новой, идущей из города. Обстоятельно анализируется не только новая лексика, но и ее архаические пласты. Большое внимание автор уделяет эмоционально-экспрессивной стороне речи.

Среди русских диалектологов прошлого А. М. Селищеву бесспорно принадлежит одно из первых мест. Современные диалектологи с большой пользой для себя штудируют его труды, учатся по ним изучать внутренние законы развития народной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И.* Афанасий Ма веевич Селищев (1886—1942).— В кн.: Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 1. М.— Л., 1947.
2. *Черных П. Я.* К вопросу о задачах и содержании диалектологических исследований.— В кн.: Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 1. М.— Л., 1947, с. 11.
3. *Селищев А. М.* Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии (с этнографической картой Полога). София, 1929, с. 297.
4. *Селищев А. М.* Говоры области Скопья.— Македонски Прегледъ, VII, кн. 1. [София], 1931, с. 80.
5. *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
6. *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Вып. I. Иркутск, 1924.
7. *Селищев А. М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
8. *Черных П. Я.* Труды А. М. Селищева по сибирско-русской диалектологии.— Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1947, вып. 4.
9. *Пруссак А. [В.]*— ИОРЯС, 1923, т. XXVI (1921), с. 298.— *Проф. А. М. Селищев.* Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921.
10. *Селищев А. М.* О рецензии А. В. Пруссака.— ИОРЯС, 1924, т. XXVIII.
11. *Виноградов В. В.* Проф. А. М. Селищев как историк русского языка.— Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1947, вып. 4, с. 36.
12. *Зеленин Д. К.* О происхождении северо-великорусов Великого Новгорода.— Доклады и сообщения Ин-та языковедения АН СССР. VI. М., 1954.
13. *Селищев А. М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис.— Уч. зап. Ин-та языка и литературы, РАНИИОН. Т. 1 (лингвистическая секция). М., 1927.